

— Дядя знает, что я тогда думал: если однажды я взойду на трон, то сделаю его объектом всеобщей зависти. Поэтому сейчас немного благосклонности — что в этом плохого?

— То, что Ваше Величество ценит чувства, — это благо. Милость, оказанная в прошлом, также глубоко запечатлена в сердцах Вдовствующей императрицы и семьи Линь, — произнёс Линь Сяо, после чего горько усмехнулся. — Однако есть одно слово, хоть и неприятное, но я всё же должен его сказать: в жилах Великого князя Цзинь течёт кровь восточных варваров из государства Юньхай. В те времена, когда Юньхай был на грани уничтожения, они прислали посланцев с просьбой о помощи, но покойный император отказался отправить войска. Как раз в это время наложница Жун, находившаяся в родах, услышала эту новость и, разгневавшись, умерла от осложнений, ругая покойного императора за его бессердечие. Наложница Жун всё же была матерью Великого князя Цзинь, и теперь, когда он стал князем, его чрезмерная власть — это не благо. Иногда нужно быть настороже.

Возможно, в этом и заключается трагедия императора: как бы ты ни доверял человеку, всегда нужно быть начеку.

На слова Линь Сяо Ци Цзюньму не ответил, он лишь спросил:

— С точки зрения дяди, правильно ли поступил мой отец, не отправив войска?

Линь Сяо на мгновение задумался, а затем сказал:

— Флот Великой Ци всегда был слабым, и то, что мы могли удерживать Восточные рубежи, уже было удачей. С точки зрения ситуации, если бы тогда войска были отправлены в Юньхай, это не только не принесло бы пользы, но и стало бы верной гибелью для наших воинов. Что касается чувств, то покойный император даже не удосужился придумать ложь, чтобы успокоить наложницу Жун, и это было слишком...

Он не закончил, но Ци Цзюньму знал, что он имел в виду: холодность.

Это было то, за что Императора Цзина часто критиковали. Все говорили, что, если бы он хотя бы сделал вид, наложница Жун не умерла бы от осложнений. Ци Цзюньчжо, родившийся после этого, также не был любим Императором Цзином и часто подвергался унижениям.

Если бы не встреча с Ци Цзюньму, он мог бы тихо умереть во дворце. Наложница Жун всё же была его матерью, и кто знает, была ли у неё ненависть к Великой Ци и Императору Цзину, и могла ли эта ненависть перейти на других.

— Я не вправе судить дела отца, — спокойно произнёс Ци Цзюньму. — Однако я слышал от матери, что отец запретил кому-либо во дворце упоминать о делах Юньхая. Как же наложница Жун узнала об этом в ночь родов?

Линь Сяо слегка удивился. Кто может знать, что происходит во дворце? Даже Император Цзинь, с его железной рукой, не мог гарантировать гармонии в императорских покоях, что уж говорить о других.

Ци Цзюньму продолжил:

— Я чист перед моим младшим братом. Если однажды он из-за дел наложницы Жун перенесёт свою злобу на меня, значит, нам не суждено быть братьями. Но до этого момента, раз я доверяю ему, я не буду сомневаться в нём и ранить его сердце.

Последние слова он произнёс с такой силой, что Линь Сяо был поражён.

Линь Сяо на мгновение застыл, а затем улыбнулся:

— Великий князь Цзинь, несомненно, понимает доверие Вашего Величества и, думаю, не подведёт.

Сказав это, он немного замешкался и сменил тему:

— Почему Ваше Величество сегодня решили отправить князя Пина в Цинчжоу? И почему объяснение было столь шокирующим? — Слово «шокирующим» было смягчённым выражением. Он просто не мог поверить, что такие бесстыдные слова произнёс Ци Цзюньму.

Ци Цзюньму был императором, повелителем Поднебесной, и такие методы, как угроза матери человека, были поступками низкого человека.

— Неужели это не сработало? — возразил Ци Цзюньму.

Линь Сяо, конечно, не мог врать. Это явно сработало. Разве Ци Цзюньму, как бы ему ни было неприятно и как бы он ни не хотел отправляться в Цинчжоу, не смирился и не последовал воле императора?

Но это не было поступком благородного человека. Линь Сяо просто беспокоился, что если это станет известно, это повредит репутации императора. Более того, управляя такой огромной страной, если император будет использовать такие методы в каждом деле, разве это не вызовет критику?

Линь Сяо осторожно высказал свои опасения, но Ци Цзюньму покачал головой:

— Дядя, не беспокойся. Я вдохновился этим от Маркиза — усмирителя Севера.

— Маркиз — усмиритель Севера? — нахмурился Линь Сяо.

Ци Цзюньму с улыбкой в глазах сказал:

— Когда маркиз пришёл, я как раз читал доклад о Цинчжоу. Говоря об этом, маркиз случайно упомянул, что снег перед его домом убирают люди из дома.

— Дядя знает, что я с детства воспитывался в строгих традициях и никогда не думал о таких необычных методах. Маркиз даже посмеялся надо мной, назвав меня старомодным, сказав, что иногда нестандартные подходы дают неожиданные результаты. Я задумался и понял, что такой подход действительно разумен. Это позволяет выяснить истину о ситуации и не мешает оказанию помощи.

— Так это был маркиз, — пробормотал Линь Сяо. Видя, как Ци Цзюньму выглядит заинтересованным, он чувствовал смесь гнева, смеха и беспокойства. — Милость Вашего Величества к маркизу — это императорская благодать, а он, видите ли, придумывает что попало. Его своеволие, привезённое с границы, теперь учит императора. Это просто дерзость.

Предложение императору проявить благосклонность к Шэнь Няню изначально исходило от Линь Сяо. Милость нового императора была и благом, и наказанием. Шэнь Нянь неоднократно нарушал указы, что бросало тень на лицо императора, а также из-за дел Армии Северных рубежей Шэнь Нянь должен был быть возвышен императором, чтобы в будущем его падение

было легко принято.

Но этот Шэнь Нянь был слишком наглым. Его привычка давать глупые советы должна была быть обуздана.

— Мне кажется, что такой неожиданный подход — это хорошо, — задумчиво произнёс Ци Цзюньму.

Линь Сяо промолчал.

Результат был налицо, и ему нечего было сказать, но некоторые вещи нужно было обсудить с Шэнь Нянем.

Линь Сяо чувствовал лёгкую головную боль. Ему казалось, что с Шэнь Нянем рядом с Ци Цзюньму многие вещи выйдут из-под контроля. Если бы он знал, то не стал бы считаться с общественным мнением, когда Шэнь Нянь возвращался в столицу, а сразу лишил бы его военной власти и заключил в тюрьму за неповиновение императору.

Позже император мог бы освободить его, одарить золотом и серебром, показав свою великодушность, и дело было бы закрыто.

Но такой подход не был бы одобрен народом, особенно в Армии Северных рубежей. Тогда он думал о репутации императора.

Теперь Линь Сяо чувствовал, что один неправильный шаг ведёт к другим. Он не знал, как долго ещё император будет благосклонен к этому фавориту.

@@@

Когда Шэнь Нянь услышал от Чэн Цзиня, что в столице ходят слухи, будто он дал императору глупый совет отправить князя Пина в Цинчжоу, он как раз собирался пить чай. Глоток обжигающего чая едва не попал ему в горло, и он выплюнул его.

Он закашлялся, лицо покраснело, и лишь через несколько мгновений он смог отдышаться.

Шэнь Нянь посмотрел на Чэн Цзиня с сложным выражением лица:

— Что ты сказал?

Чэн Цзинь с серьёзным лицом повторил услышанное слово в слово, а затем спросил:

— Почему у маркиза такое лицо? Разве это не ваш совет?

Шэнь Нянь усмехнулся и безэмоционально произнёс:

— Да... мой. Просто я не ожидал, что это станет известно. Ты здесь присмотри... Я отправляюсь во дворец.

Шэнь Нянь ушёл сразу же. Чэн Цзинь с беспокойством смотрел на его спину. Ему казалось, что Шэнь Нянь шёл не для аудиенции с императором, а для убийства.

У ворот дворца Шэнь Нянь встретил Линь Сяо. Он знал, что это не его воображение: Линь Сяо явно ждал его здесь.

Линь Сяо первым подошёл поздороваться. Он ждал Шэнь Няня два дня и наконец поймал его.

Перед левым канцлером Шэнь Нянь не мог не проявить уважения. Стоя у ворот дворца, под взглядами всех, он выслушал наставления Линь Сяо, который говорил, что император ещё молод, характер его не устоялся, и маркизу нужно следить за тем, чтобы никто и ничто не сбивало императора с пути истинного.

Один из «тех, кто сбивает с пути», Шэнь Нянь промолчал.

Он прекрасно понимал, что Линь Сяо говорил о нём, но не мог ни ударить его, ни ответить. Он чувствовал, что это было ужасно.

Шэнь Нянь, выдерживая взгляд Линь Сяо, с безразличным видом сказал:

— Левый канцлер, я всё понял. Мне нужно встретиться с императором, поговорим позже.

Линь Сяо слегка кивнул, в глазах его читалось обвинение в том, что он испортил императора, а всё его тело выражало неприязнь.

Когда Шэнь Нянь поспешил в Чертог Цяньхуа, Ци Цзюньму как раз читал доклады, не поднимая головы:

— Садись.

Шэнь Нянь машинально сел.

Чтение докладов продолжалось полчаса. Затем Ци Цзюньму закрыл доклад и приказал Жуань Цзицину, главе Управления ритуалов, убрать их, а также велел всем слугам и евнухам удалиться.

Император потёр слегка затекшую шею и затем посмотрел на бесстрастного Маркиза — усмирителя Севера:

— Ты как раз вовремя. Мне нужно с тобой поговорить.

Шэнь Нянь улыбнулся, его лицо было изысканным и привлекательным:

— Ваш слуга также услышал слухи за пределами дворца и потому явился сюда. Ваше Величество знает, что в столице сейчас ходят разговоры о том, что отправка князя Пина в Цинчжоу — это моя идея. Хотя я сам об этом не знал.

<http://bllate.org/book/16626/1522062>